

Посвящается моей матери

ПРОЛОГ

Где моря нет, там воды сердца
На берег набегают.

*Дилан Томас.
«Свет пробивается туда,
где солнца нет»*

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Мы приходили туда и получали все, в чем нуждались. Приходили, когда мучились жаждой — а как иначе? — и когда были голодные, и когда до смерти уставали. Приходили счастливые, чтобы праздновать, и грустные, чтобы скорбеть. Приходили после свадеб и похорон, чтобы успокоить нервы, и перед ними — чтобы набраться храбрости. Приходили, когда не знали, что нам нужно, в надежде, что кто-нибудь нам это скажет. Приходили в поисках любви, или секса, или неприятностей, или человека, который куда-то пропал, потому что рано или поздно все оказывались там. А еще приходили, когда хотели, чтобы кто-то нашел нас.

Мой личный список нужд был длинным. Единственный ребенок, брошенный отцом, я нуждался в семье, в доме, в мужчинах. Особенно в мужчинах. Они были нужны мне как наставники, герои, образцы для подражания и как маскулинный противовес моей маме, бабушке, тетке и пяти двоюродным сестрам, с которыми я жил в одном доме. Бар дал мне всех мужчин, в которых я испытывал потребность, и одного или двух, в которых не испытывал.

Задолго до того, как мне было позволено официально употреблять спиртное, бар меня спас. Он вернул мне веру, когда я был мальчишкой, поддержал в подростковом возрасте, а в юности принял в свои объятия. Хоть

мне и кажется, что нас притягивают те, кто может нас бросить, и, по-видимому, бросит очень скоро, я, тем не менее, уверен, что определяют нас те, кто нас принимает. Я принял бар всей душой, но однажды вечером он отвернулся от меня, и тот финальный разрыв с баром спас мне жизнь.

Бар всегда находился на том углу, под тем или иным названием, с начала времен, точнее, с отмены сухого закона, которые считались одной и той же датой в моем весьма пьющем родном городе — Манхассете, Лонг-Айленд. В 1930-х в бар заглядывали кинозвезды по пути в близлежащий яхт-клуб и на роскошные прибрежные курорты. В 1940-х бар стал раем для солдат, возвращавшихся с войны. В 1950-х там собирались стилиаги и их подружки в пышных юбках. Но настоящей достопримечательностью, землей обетованной, он стал в 1970-м, когда Стив купил это место и переименовал в «Диккенс». Над дверью появился силуэт Чарльза Диккенса, а выше вывеска старым английским шрифтом: *Dickens*. Столь явственная отсылка к англофильству пришлась не по вкусу местным Кевинам Флиннам и Майклам Галлахерам. Они не стали ей противиться только потому, что горячо одобряли Главное Правило Бара, установленное Стивом: каждый третий напиток бесплатно. К тому же Стив нанял обслуживать столики семь или восемь представителей клана О'Мэлли¹ и постарался придать интерьеру «Диккенса» такой вид, будто его по кирпичику доставили прямоком из графства Донегол².

Стив хотел, чтобы его бар был европейским внешне, но американским по духу — настоящим домом для всех его клиентов. Клиентов Стива. В сердце Манхассета, пасторального пригорода с восьмьютысячным населением,

¹ О'Мэлли — древний ирландский клан; в данном контексте — ирландцы. (*Здесь и далее — прим. ред.*)

² Донегол — графство на севере Ирландии.

в семнадцати милях к востоку от Манхэттена, Стив постарался создать надежное прибежище для своих соседей, друзей и собутыльников, а особенно для товарищей по старшей школе, возвращающихся домой из Вьетнама, где они могли бы в полной мере насладиться ощущением безопасности. За что бы Стив ни брался, он всегда был уверен в успехе — уверенность была его самой привлекательной чертой и самым трагическим недостатком, — но «Диккенс» превзошел его самые смелые ожидания. Очень скоро бар Стива стал для жителей Манхассета *баром*. Точно так же, как мы говорили Сити, имея в виду Нью-Йорк-Сити, или Стрит, имея в виду Уолл-стрит, мы называли Баром только одно место, и ни у кого не возникало вопроса, о чем идет речь. Постепенно «Диккенс» стал даже больше, чем Баром. Он превратился в Место, любимое укрытие от любых житейских бурь. В 1979-м, когда взорвался ядерный реактор на Три-Майл-Айленде¹ и весь северо-восток охватил ужас перед надвигающимся апокалипсисом, жители Манхассета звонили Стиву, бронируя себе места в подвале под его баром. Естественно, подвалы имелись и у них дома. Но в «Диккенсе» было нечто особое. При любой угрозе люди вспоминали в первую очередь о нем.

Бар не только давал укрытие, но и учил особому роду демократии — алкогольному плюрализму. За его стойкой можно было видеть мужчин и женщин из всех слоев общества, которые то ли поучали, то ли принижали друг друга. Какой-нибудь городской нищий запросто мог обсуждать «волатильность рынка» с президентом Нью-Йоркской фондовой биржи, а библиотекарь наставлять прославленного игрока «Янкиз» насчет правильного захвата биты. Слабоумный грузчик мог внезапно высказать нечто

¹ АЭС Три-Майл-Айленд (*англ.* Three Mile Island Nuclear Generating Station) — атомная электростанция, расположенная на реке Саскуэханна, штат Пенсильвания, США.

столь невероятное и одновременно мудрое, что университетский профессор философии кидался записывать его изречение на салфетке, которую потом заталкивал в карман. А бармены — параллельно делая ставки и смешивая «Розовых белок» — рассуждали, как античные цари.

Стив считал, что бар на углу должен быть самым эгалитарным из всех общественных мест в Америке, и знал, что американцы всегда обожествляли свои бары, таверны и салуны — одно из его любимых выражений. Знал, что они наделяют бары особенным смыслом и приходят туда за чем угодно, от роскоши до убожества, а прежде всего за забвением, которого заставляет их искать главная болезнь современности — одиночество. Он понятия не имел, что пуритане, высадившись в Новом Свете, построили бар даже раньше, чем церковь. Не знал, что американские бары происходят напрямую от средневековых таверн из «Кентерберийских рассказов» Чосера, а те — от саксонских пивных, которые, в свою очередь, являются порождением *tabernae*, стоявших у дорог в Древнем Риме. Генеалогия бара Стива восходила к первобытным пещерам с наскальными росписями в Западной Европе, где старцы каменного века наставляли молодежь чуть ли не пятнадцать тысяч лет назад. Хоть Стив и не знал всех этих вещей, они были у него в крови и заставляли поступать так, как он поступал. Стив сильнее остальных ощущал важность определенного места для человека и, основываясь на этом принципе, сумел создать бар столь странный, причудливый, обожаемый и соответствующий клиентам по духу, что тот прославился далеко за пределами Манхассета.

Мой родной город славился двумя вещами — лакроссом¹ и выпивкой. Год за годом в нем прибывало как потрясающих игроков в лакросс, так и случаев цирроза

¹ Лакросс — контактная спортивная игра между двумя командами с использованием небольшого резинового мяча и клюшки.

печени. Некоторые знали Манхассет еще и как место действия «Великого Гэтсби». Фрэнсис Скотт Фицджеральд писал свой роман, сидя на прохладной террасе в Грейт-Нек и глядя через бухту на наш городок, который превратил в вымышленный Уэст-Эгг, отчего местные боулинг и пиццерия обрели некоторое археологическое величие. Каждый день мы проходили по заброшенным декорациям из книги Фицджеральда. Крутили романы на их руинах. То было и стимулом, и настоящей честью. Но, как и бар Стива, эти декорации меркли перед любовью Манхассета к спиртному. Любой, кто бывал там, сразу понимал, почему в романах Фицджеральда выпивка течет, как Миссисипи по равнинам. Мужчины и женщины закатывают грандиозные вечеринки и пьют, пока не свалятся с ног или не собьют кого-нибудь на машине? Да это же обычный вечер вторника на Манхассете!

Манхассет, где располагался самый большой супермаркет алкоголя в штате Нью-Йорк, был единственным городом Лонг-Айленда, в честь которого называли коктейль («Манхассет» — это «Манхэттен», только крепче). Главная улица Манхассета, длиной в полмили, Плэндом-роуд, была улицей мечты любого пьяницы — сплошь бары, бары и бары. Многие в Манхассете сравнивали Плэндом-роуд с вымышленным графством в Ирландии, где люди ходят по улицам, доверху налившись виски, исполненные веселья. Бары на Плэндом-роуд могли соперничать по количеству со звездами на Голливудской аллее славы, и мы гордились этим, упрямо и восторженно. Когда владелец одного из баров на Плэндом-роуд поджег свою собственность, чтобы получить страховку, полицейские обнаружили его в другом баре, по соседству, и сказали, что увозят на допрос. Мужчина прижал руку к сердцу, словно священник, обвиненный в сожжении креста.

— Да как бы я осмелился, — воскликнул он, — как бы любой человек осмелился *поджечь бар*?

Со своим причудливым разделением на высший класс и рабочих, этническим смешением ирландцев с итальянцами и изобилием представителей богатейших семейств Соединенных Штатов, Манхассет всегда испытывал проблемы с самоопределением. То был город, где чумазные пьянчуги собирались на стадионе «Мемориал» поиграть в «велo-поло»; где соседи прятались друг от друга за идеально подстриженными живыми изгородями, но при этом тщательно следили за всеми жизненными перипетиями по ту сторону; откуда все отправлялись поутру на электричках на Манхэттен, но никто не уезжал навсегда — разве что в сосновом ящике. Хотя Манхассет и напоминал городок в сельской местности, а агенты по недвижимости называли его «спальным районом», мы все придерживались мнения, что это «район баров». Бары помогали нам составить представление о себе и служили неизменным местом встречи. Детская лига, софтбольная лига, лига боулинга и юношеская лига не просто устраивали в баре Стива свои собрания — частенько они встречались в один и тот же вечер.

«Медный пони», «Купол», «Лампа», «Килмид», «Джон и Эд», «Пробка», «1860», «Ржавое корыто», «Метка» — названия манхассетских баров мы знали лучше, чем названия его улиц и имена отцов-основателей. Периоды существования баров напоминали смены династий: мы измеряли по ним время и находили своеобразное утешение в сознании того, что, стоит одному закрыться, как на его месте тут же возникнет следующий. Бабушка как-то мне сказала, что Манхассет — одно из редких мест, оправдывающих банальную поговорку: кто пьет дома, тот уже алкоголик. До тех пор, пока ты пьешь на людях, не втихоря, ты не пьяница. Поэтому — бары. Много-много баров.

Конечно, многие бары в Манхассете, как и везде, были просто притонами, где люди маринвались в собственном раскаянии. Стив хотел, чтобы его бар был другим. Хотел сделать его утонченным. Представлял себе место, способ-

ное удовлетворять запросам самых разных персонажей. В одну минуту — уютный паб, а в следующую — разгульный ночной клуб. Семейный ресторан в начале вечера, а под утро — распутная таверна, где мужчины и женщины врут друг другу в глаза и пьют до упаду. Но главный замысел Стива заключался в том, что «Диккенс» должен быть противоположностью окружающего мира. Прохладный в жару и теплый от первых заморозков до прихода весны. Всегда чистый и светлый, словно жилище идеальной семьи, в существование которой мы верим, хоть на самом деле таких не бывает. Чтобы каждый клиент чувствовал себя особенным, но при этом никто не выделялся. Моей самой любимой историей о баре Стива была та, в которой один сумасшедший заявился туда, сбежав из ближайшей психушки. Никто не посмотрел на него косо. Никто не спросил, кто он такой, или почему он в пижаме, или почему у него так странно поблескивают глаза. Его просто приняли в общий круг, стали развлекать забавными историями и весь день угощали выпивкой. Единственная причина, по которой беднягу в конце концов попросили уйти, заключалась в том, что он ни с того ни с сего спустил с себя штаны. Но даже тогда бармены лишь ласково его пожурили, используя свое обычное: «Ну-ну, не надо *так!*»

Как любовные связи, бары зависят от сочетания многих тонкостей: правильно выбранного времени, химии, освещения, удачи и — наверное, в первую очередь, — щедрости. С самого начала Стив объявил, что в «Диккенсе» все будет на широкую ногу. Бургеры — с филе-миньон толщиной в три дюйма, время закрытия — обсуждаемое, вне зависимости от того, что говорит закон, а бокалы — полные *до краев*. Стандартный напиток в «Диккенсе» — как в других заведениях, двойной. Двойной такой, чтобы глаза лезли на лоб. А тройной, чтобы «ум зашел за разум», по выражению младшего брата моей матери, моего дяди Чарли, первого бармена, которого нанял Стив.